

ПЕЛЕ

МОЯ ЖИЗНЬ И ПРЕКРАСНАЯ ИГРА

Пеле

Моя жизнь и прекрасная игра

Серия «Покорившие мир»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74388731
Моя жизнь и прекрасная игра: Родина; Москва; 2026
ISBN 978-5-00269-551-5

Аннотация

Футбол – это больше, чем игра, больше, чем просто лучшее в мире зрелище. Это арена страстей и споров, силы, доблести и изящества. И король футбола на все времена – это Эдсон Арантис ду Насименту, а попросту – Пеле. Мальчишка из бедного бразильского квартала, который потряс мир гениальной игрой и стал трехкратным чемпионом мира.

Журналисты называли его «Черной жемчужиной», а тренеры – идеальным атлетом. Но гениальный футболист оказался и ярким мемуаристом. Его размышления откровенны, искренни, а рассуждения о футболе, об успехе отличаются глубоким пониманием этих феноменов. Когда эта книга вышла в свет – в Бразилии массово стали открываться курсы чтения, потому что миллионы неграмотных бразильцев решили научиться читать, чтобы познакомиться с книгой своего кумира.

Эта книга переведена на все мировые языки, всегда и везде она вызывает широкий интерес.

Книга переведена на все мировые языки, всегда и везде она вызывает широкий интерес.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Пеле
Моя жизнь и
прекрасная игра

© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава первая

На стадионе «Ню Уллеви» негде яблоку упасть. Зрители приготовились быть свидетелями того, как сборная Советского Союза разгромит сборную Бразилии, которая проводит свою третью игру на чемпионате мира за обладание высшим футбольным трофеем – Кубком Жюля Рима. Из шестнадцати команд-участниц четырнадцать вышли победителями в отборочных играх, проводившихся по всему миру год назад. Остальные две сборные – Западной Германии и Швеции – были освобождены от предварительных состязаний: первая как победитель прошлого чемпионата мира, вторая как представитель страны – организатора нынешнего турнира.

Многие полагают, чемпионат скорее всего выиграют русские, хотя признают, что и валлийцы (Уэльс) привезли сильную команду. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и чемпионов мира – футболистов Западной Германии, а также шведскую сборную – грозного соперника для любой команды.

Съехавшиеся со всего мира журналисты ждут появления русской команды. Им не терпится увидеть собственными глазами техничного центрального нападающего Симоняна, чудо-вратаря Яшина, левого полузащитника и капитана Нетто, исключительно интеллигентного футболиста, левого полусреднего Сальникова. Радио- и тележурналисты никак не дождутся начала игры, чтобы после ее окончания взять интервью у победителей – русских звезд из таких известных московских клубов как «Динамо», «Спартак», «Торпедо».

Никто на стадионе (кроме разве самих бразильцев) не ожидает слишком многого от южноамериканской команды. Правда, в первой игре она победила австрийцев со счетом 3:1, но те кто были на матче, видели, что счет не отражал соотношения сил на поле.

А в матче с ослабленной английской сборной самое большее, на что были способны бразильцы, – это нулевая ничья. Причем англичане играли без таких футболистов, как неповторимый правый крайний Мэтьюз или коренастый, мощный центральный нападающий Лофтхаус, и заявили только двадцать игроков вместо разрешенных двадцати двух. Но да-

же эта нулевая ничья стоила бразильцам немалых усилий.

Вот русские – совсем другое дело. Футболисты «большой красной» команды, как их здесь называли, – крупные и крепкие парни, отобранные из тысяч спортивных клубов огромной страны, пользующихся финансовой поддержкой государства. Они впервые принимали участие в играх на первенство мира и без труда вошли в число шестнадцати лучших. Если бы русские участвовали во всех предыдущих турнирах такого ранга, они наверняка трижды одержали бы победу в чемпионатах мира и получили бы кубок на вечное хранение. А вот бразильцы не победили еще ни в одном чемпионате. И даже тогда, в 1950 году, один-единственный раз добравшись до финала, они, играя у себя дома, на собственном поле, перед своими болельщиками, с заведомо более слабым соперником, потерпели позорное поражение. А про выступление бразильцев в 1954 году лучше вообще не вспоминать. В общем, хвастаться нечем. Так что никакого чуда от Бразилии ждать не приходится.

Когда футболисты неторопливо выбежали из туннеля, зрители на трибунах вытянули шеи, стараясь рассмотреть худого невысокого темнокожего парня в составе бразильской команды. Форма национальной сборной только подчеркивала его небольшой рост. Худой невысокий темнокожий парень – это я, Пеле. Большинство людей на трибунах, наверное, считает, что меня взяли на игру просто как «талисман» или же я – сын одного из друзей тренера команды, так как

сыном тренера я быть не могу, ведь тренер – белый. Зрители, присутствовавшие на матчах Бразилии с Австрией и Англией, наверное, помнят, как я, прихрамывая, уходил с поля, чтобы занять свое место на скамейке запасных, как подбадривал своих товарищей, наивно полагая, что вместе с другими запасными способен перекричать огромную массу людей, болевших за наших соперников.

Но сейчас среди игроков, выстраивающихся на зеленом поле стадиона, худой невысокий темнокожий парень – это я. Зрители видят на мне футболку с большой цифрой 10. Я уверен, что журналисты, представляющие разные газеты и журналы, радио- и телекомментаторы полезли в свои записи: это что еще, черт возьми, за «десятка»? И если все было на самом деле так или приблизительно так, то они прочли, что я – это Эдсон Арантис ду Насименту, семнадцати лет. Наверное, кое-кого из зрителей немного забавляло присутствие ребенка на футбольном поле во время матча на первенство мира. Кое-кто наверняка негодовал – такое значительное спортивное событие, как матч чемпионата мира, превращается в пародию из-за того, что по футбольному полю бежит какой-то мальчишка. Ну, а более сентиментальные зрители, по-видимому, искренне сочувствовали бразильской сборной, которая настолько оскудела талантами, что была вынуждена привезти на чемпионат мира детей.

После первых звуков гимна мы, бразильцы, ощутили в душе странное волнение. Я не способен его описать. Не думаю,

что это мог бы сделать и кто-нибудь другой. Все мы чувствуем себя как во сне, но, наверное, больше всех я. Стараюсь не терять времени на анализ этого странного ощущения. Знаю, сейчас от меня потребуются предельная собранность. Пытаюсь подчинить все мысли предстоящей игре, но мозг сверлит только один вопрос: как могло случиться, что ты сейчас здесь, в Швеции, в составе бразильской сборной, представляющей страну на чемпионате мира? Скорее всего это сон, сон да и только.

Вот русская сборная, занимающая свое место на футбольном поле, это не сон. Наверное, кошмар, но только не сон! Каждый из них крупнее своего соперника в нашей команде, а вратарь Яшин просто гигант. Ему стоит лишь раскинуть руки, и он прикроет всю площадь ворот. У меня замерло сердце: забить гол такому гиганту – немыслимое дело!

Мы занимаем исходное положение. Слева от меня Загало, справа Вава, потом Диди и Гарринча. «Гарринча» по-португальски – это маленькая птичка. Вполне оправдывая свое имя, он неудержимо носится по полю. Мы прозвали его «манэ», что значит полоумный, однако пойдя поищи другого такого «полоумного», который бы действовал на поле, как наш «манэ». Я оглядываюсь, но не для того, чтобы посмотреть на наших защитников, а чтобы не видеть выстроившихся передо мной гигантов. В центре поля Нилтон Сантос – главный мотор команды, рядом с ним Зито, другой игрок линии нападения. Он шлет мне добродушную улыбку. Сзади

меня Беллини, наш капитан, потом Орландо, де Сорди, а позади всех – спокойный и невозмутимый вратарь Жильмар. Зито хлопает в ладоши и, подмигнув, говорит: «О'кей, ребята. Ну-ка, преподнесем им сюрприз!»

Вава смотрит на него, сдвинув брови, но в его глазах горит озорной огонек: «Что значит сюрприз? Ведь они только и ждут того, чтобы нам проиграть. Поэтому сюрприза не будет!»

Начинается игра, и я забываю про шутку, прекрасно понимая, что Зито хотел снять общее напряжение, но главным образом мое. И вот для меня уже не существует ни стадиона, ни зрителей, вообще ничего. Моим сознанием овладевает только футбол, прекрасная игра, которую я так люблю и которая дает мне жизнь. И играем мы не с русскими, а просто с соперником, и самое главное сейчас – это победа!

Мяч у русских, они неплохо владеют им, все идет гладко, без ошибок. Но вот один из них допускает неточность, и мяч уже в ногах у Гарринчи. Наша «птичка» делает рывок, демонстрируя при этом фантастический дриблинг, который сразу завоевывает симпатии зрителей. Он легко обходит защитников, словно их не существует. Я рвусь к нему на помощь, зная, что физически крепкие русские возьмут его в «коробочку», но Гарринча уверен в себе. Он мастерски обводит ближайшего к нему игрока и, даже на мгновение не замедлив бега, изо всей силы бьет по воротам. Яшин взвизгивает в прыжке, однако дотягивается до мяча только кончиками

пальцев. Из моего горла рвется «Го-о-о-л!»... но мяч отскакивает от штанги в поле. Я подумал, что Гарринча от обиды будет ругаться, но он не теряет времени даром. Гарринча – настоящий профессионал. Определив траекторию полета мяча, он подхватывает его и снова бьет, но ему мешают, и мяч улетает за пределы поля.

Игра только началась, однако уже видны уязвимые места в защитных линиях русских. Нападающие играют активно, но нас это не беспокоит. Нилтон Сантос, Беллини, Орландо, де Сорди, Зито и Жильмар справятся с ними. Гарринча – само вдохновение. Похоже, он ждал этой игры всю свою жизнь. Защитников он обходит, как ему хочется. Зрители, почувствовавшие, что игра для русских складывается не лучшим образом, начинают болеть за нас и награждают аплодисментами каждый удачный проход с мячом. Выполнение любого финта, в результате которого несколько растерявшиеся русские теряют мяч, сопровождается все более одобрительным шумом трибун. В мыслях же у нас одно: как протолкнуть в ворота мяч мимо огромного Яшина.

Мяч у Диди, и я угадываю его намерение. Избавившись от двух защитников, жду. Диди посылает мяч в мою сторону с такой точностью, будто измерил расстояние рулеткой. Согласно наигранной комбинации, мяч пролетает мимо меня, и я, не снижая скорости и не обрабатывая его, сильно бью по воротам. Яшин бросается за мячом, но я-то знаю, что среагировать на такой удар трудно – вратарь не рассчитывал на

столь быстрое перемещение игроков и мгновенный розыгрыш мяча. И снова из моего горла вырывается «Го-о-о-л!», и снова проклятый мяч попадает в штангу, а затем отскакивает во вратарскую площадку. Яшин ловит его и крепко заключает в свои объятия.

С ненавистью смотрю я на стойки ворот.

Подбежавший ко мне Диди улыбается: «Спокойно, мальчик! Все будет как надо. Дай только время».

У меня заныло колено – давала себя знать травма, которая помешала мне выйти на поле в первых двух матчах и вообще чуть было не лишила возможности участвовать в играх на первенство мира. Но это тема для особого разговора, а сейчас не время размышлять о ноющем колене. Мяч снова у Диди. Я устремляюсь на свободное место, чтобы получить от него пас, но меня быстро прикрывает защитник. Тогда Диди, не замедляя бега и ничем не обнаруживая своих намерений, отправляет мяч в совершенно другом направлении, к Ваве. Тот, слегка подправив его, словно подгоняя под скорость своего бега, сильно бьет по воротам! Гол!

Команда Бразилии выходит вперед.

Обступив Ваву, мы не скрываем своей радости, дружески похлопываем его, толкаем в спину, грудь, подпрыгиваем, восторженно размахиваем кулаками. Яшин лежит на земле и печально смотрит на нас, как на не в меру расшалившихся детей, которые огорчили своего доброго родителя.

Между тем игра продолжается. После забитого гола мы

стали спокойнее, уверовали, что игра теперь будет легкой и... поплатились за это. До конца первого тайма нам ни разу не удастся добиться успеха. Я явно возбужден. Мне хочется поскорее доиграть этот матч и вернуться в гостиницу, чтобы там, подобно малому ребенку, который не может расстаться с любимой игрушкой, предаться воспоминаниям об игре.

Мой дриблинг на высоте, мои уходы, финты, отбор мяча встречают одобрение зрителей, они теперь нам явно симпатизируют. Но я не использовал две абсолютно голевые ситуации, и все потому, что не проявил достаточного хладнокровия в момент удара. Мои товарищи по команде обладают большим хладнокровием, но и им ничего не удастся сделать. На перерыв мы ушли при счете 1:0.

Второй тайм в значительной степени напоминает первый. Русские мощно и яростно атакуют, но наша защита непробиваема. «Большой красной» команде никак не удастся пройти Орландо, Нилтона Сантоса, Беллини и де Сорди, не говоря уж о том, чтобы произвести прицельный удар по воротам Жильмара. Однако и русская защита подтянулась, а Яшин, как мне кажется, стал еще больше. Он закрывает собой всю площадь ворот, так что протолкнуть мяч мимо него, наверное, просто невозможно.

Время игры истекало, когда мяч снова оказался у Диди. Он переправляет его мне с такой точностью, как будто на по-

ле, кроме нас двоих, никого больше нет. Остановив мяч, я устремляюсь к воротам. Среди защитников смятение. Они не отпускают меня и Диди ни на шаг. А нам только этого и надо – без присмотра оказался Вава. Он готов к удару, искусно маскируя свою готовность. Полет навешенного мною мяча чуть замедлился, и Вава без обработки, но достаточно точно бьет по воротам. Защитники пытаются изменить направление полета мяча. Яшин вытягивается в броске, но даже его рост не может компенсировать точность удара Вавы.

Го-о-о-л!

Яшин сидит на земле, и так же, как и в первый раз, печально смотрит на нас. Мы бросаемся вслед за Вавой. Он что-то кричит от нахлынувших на него чувств.

В этот момент время игры истекает. Итак: Бразилия – СССР 2:0.

В тот вечер в честь нашей победы был устроен грандиозный ужин, за которым мы вновь и вновь перебирали в памяти все эпизоды игры, не скупясь на комплименты друг другу (наш тренер Феола допускает это, учитывая психологическое состояние игроков, но мы-то знаем, что завтра он камня на камне не оставит от всей нашей самовлюбленности).

Я отправляюсь к себе в номер и начинаю медленно раздеваться. Лежа в постели, мысленно проигрываю весь матч от начала до конца, все комбинации, отборы мяча, дриблинг, удары. Приходится признать, что во время игры я был слишком возбужден. При мысли об упущенных голах меня му-

чают угрызения совести. Вместе с тем я понимаю, что в общем-то сыграл неплохо. В конце концов, матч на первенство мира – это не рядовая встреча с какой-нибудь клубной командой из Санто-Андре или Можи-дас-Крузис. Да и русские далеко не слабаки. И все же мы выиграли. До сегодняшнего дня никто, наверное, не знал, кто этот худой невысокий темнокожий парень по имени Пеле, но теперь-то знают. Так что стыдиться мне нечего.

Интересно, о чем думают сейчас там, в Бауру, мои родители, брат, сестра, дядя Жоржи, бабушка дона Амброзина, мои друзья? Могу себе представить праздничное настроение на улицах, все только и говорят о Пеле, этом маленьком чертенке, который совсем недавно был наказан за то, что мячом разбил лампочку на уличном фонаре.

Мысленно возвращаясь к прошедшей игре, твердо обещаю, если меня поставят на следующий матч, буду спокойней и сдержанней, как Гарринча, Диди, Вава или Загало, чтобы выглядеть на поле более профессионально.

Мне никак не удастся уснуть. Мысли возвращают меня в Бауру, и я перебираю в памяти те удивительные ступеньки лестницы моей жизни, которые привели меня в бразильскую сборную. Может, бог помог мне в этом, но тогда почему мне, почему он избрал именно меня?

Я знаю, что бессмысленно пытаться в этом разобраться. Что бы там ни было, но для меня это настоящее чудо...

Гетеборг, Швеция – июнь 1958 года.

Глава вторая

Я родился в ночь на 23 октября 1940 года в маленьком городке Трес-Корасаес бразильского штата Минас-Жерайс. При крещении был наречен Эдсоном Арантисом ду Насименту, но свое настоящее имя я узнал совсем недавно, потому что в семье все звали меня Дико. Я специально ездил в этот городок, чтобы увидеть дом, в котором родился, – отчасти из вполне естественного любопытства, отчасти из чувства уважения к властям, которые одну из улиц городка называли моим именем да еще распорядились укрепить на стене нашего бывшего дома табличку. Этот небольшой домик лепится к другим ветхим домишкам из обожженного кирпича, уцепившимся друг за друга растрескавшимися стенами, покрытыми облупившейся краской. Когда мы здесь жили, я был слишком маленьким, чтобы сообразить, что наш дом никак не назовешь замком. Даже тогда, когда мы переехали в Бауру и я, уже подросший, стал смотреть на мир другими глазами, наша «обитель» не казалась мне слишком уж скромной. Ведь все, кого я знал, жили в точно таких же домах.

Со Львом Яшиным.

Я нередко пытался представить себе сцену моего рождения. Юную мать – дону Селесте с искрящимися глазами. Она гордо держит на руках худенькое крохотное извивающееся черное тельце. Рядом бабушка Амброзина, сияющая от счастья. Мой дядя Жоржи говорит: «Сомнения нет, цвет кожи у него достаточно черный». Отец, такой же юный, как и мать, наклоняется, чтобы лучше рассмотреть меня, своего первенца; затем слегка сжимает мои бедра и авторитетно заявляет:

«Что ж, из него выйдет хороший футболист, ноги у него что надо».

Реально представляю себе эту сцену. Брошенная реплика спугивает улыбку с лица матери. Я зримо ощущаю, как она нежно заключает меня в свои объятия и резко парирует. «Все сделаю, чтобы этого не было. Ну уж нет. Одного футболиста на нашу семью вполне достаточно, а, может, даже чересчур много! Нет, нет. Он станет врачом, чтобы чего-нибудь добиться в жизни. Футболист? Да вы сами посудите, ну зачем ему желать зла?»

Даже если мать и не произносила этих слов тогда, она довольно часто повторяла их все годы, пока я подрастал. Мой отец Жоао Рамос ду Насименту был профессиональным футболистом, известным по прозвищу Дондиньо. Он считался прекрасным игроком и пользовался в тех краях широкой известностью, но не был ни самым счастливым, ни самым обеспеченным. Жить на скромный заработок, который получал в то время профессиональный футболист, особенно играя за небольшой клуб, да еще в таком захолустном городке, как Трес-Корасаес, было невозможно. Поэтому наивным было стремление прокормить семью на эти жалкие доходы. Кроме жалования, футболисты не получали почти ничего. Вознаграждения за выигрыш, которые в наше время составляют значительную долю доходов профессиональных игроков, были в то время крайне редки. Отец прекрасно разбирался в футболе и любил его больше всего на свете.

Он остался верен футболу, несмотря на раздражение матери и финансовые затруднения его постоянно растущей семьи. Отец жил надеждой, что однажды он получит приглашение от известного клуба в большом городе, и тогда все уладится, и мы заживем, как короли.

Эта мечта частично сбылась. Самый реальный шанс представился отцу в 1942 году, когда один менеджер, увидев его игру, предложил Дондиньо перейти в известный клуб «Атлетико Минейро» из Белу-Оризонти. Мне было слишком мало лет, чтобы это событие запечатлелось в памяти, и все же можно представить себе всеобщее возбуждение в тот день, когда отец собрал чемодан, расцеловал на прощание всю семью и уехал. Я знаю, какие надежды он связывал с этим отъездом, и почти осязаю то розовое будущее, которое виделось ему. Отец был игроком экстра-класса и нисколько не сомневался, что ему нужен лишь шанс проявить себя.

Дебют Дондиньо оказался неудачным. В первой же игре против клуба «Сан-Кристован» из Рио-де-Жанейро он резко столкнулся с Аугусто (тем самым Аугусто, который позже выступал за клуб «Васко да Гама» и был включен в состав национальной сборной, участвовавшей в чемпионате мира по футболу 1950 года, даже был избран ее капитаном). Так вот, Аугусто поднялся, а Дондиньо продолжал лежать на земле, корчась в муках. У него был жесточайший разрыв связок правого колена. Игра закончилась вничью со счетом 1:1, но в следующем матче «Атлетико» с клубом «Америке» отец уже

играть не мог.

Ему выдали обратный билет в Трес-Корасаес. Я думал, что после того, что произошло, Дондиньо не вернется домой. Но, видно, он очень любил всех нас, поэтому такая мысль не могла прийти ему в голову. Отец вернулся, правда, подавленный. Это состояние усугублялось еще и тем, что он начал прихрамывать – мучила боль в колене, да и жена, дона Селесте, беспрестанно пилила.

«Дондиньо! И раньше, когда обе ноги у тебя были здоровые, ты не мог прокормить нас своим футболом! Забудь это безумие! Найди себе нормальную работу, чтобы зарабатывать ею на жизнь! Жоржи, скажи ему!..»

Но Жоржи ничего не мог сказать, так как он любил отца и тайне завидовал ему, что он так хорошо играет, что зрители на трибунах приветствуют его, а в городе люди специально переходят на другую сторону улицы, чтобы поздороваться с ним. Дядя Жоржи – это брат моей матери. Он моложе ее и больше похож на моего старшего брата, чем на дядю. Он годится скорее в сыновья Дондиньо, чем в братья Селесте.

Дондиньо футбол не бросил, хотя колено оставалось распухшим, а боль не утихала. Он боялся делать операцию. Наверное, отец был прав, так как состояние местной больницы оставляло желать много лучшего. В промежутках между матчами Дондиньо обкладывал колено холодными компрессами, и это позволяло ему продолжать выступления за клуб «Трес-Корасаес». Ведь для него это была единственная воз-

возможность заработать на жизнь.

Все это я узнал в основном из рассказов родных. Мои собственные воспоминания связаны с городом Бауру, что в штате Сан-Паулу. Я хорошо помню, что футбольная карьера Дондиньо заносила нас на короткое время в Лорену и Сан-Лоренсо, где отец безуспешно пытался заработать на жизнь. Но Бауру суждено было стать нашим постоянным домом. Футбольный клуб этого города не только закрепил за Дондиньо место в команде, но и обещал ему помочь устроиться на государственную службу, чтобы облегчить его финансовое положение. Это было впервые. Мать приняла в штыки новость о новом переезде да еще переходе в другой футбольный клуб, но мгновенно сдалась, услышав о шансе устроиться на государственную службу. Она непрестанно молилась за это с тех пор, как стала женой Дондиньо. И вот мы опять снимаемся с места, но теперь, видимо, уже в последний раз.

Мои самые первые впечатления связаны с переездом в Бауру по железной дороге. Тогда мне было примерно четыре года. Я не помню деталей, но все же смутно припоминаю, как мы добирались до вокзала в старой повозке, запряженной осликом и выбивавшейся из последних сил лошаденкой. Повозкой правил дедушка, отец моей матери, который зарабатывал на жизнь тем, что пилил дрова, нарезал затем из них лучины и продавал их на растопку. Повозка была наполовину загружена поленьями, сзади лежали наши скромные пожитки. Там же примостились и мы с отцом. Мать с малень-

кой сестренкой на руках устроилась на сиденье около деда. Локтем она придерживала моего младшего брата.

Особенно хорошо мне запомнилось путешествие по железной дороге. Раньше мне ни разу не доводилось заглянуть в мир, лежавший за пределами нашего города. По крайней мере, ничего подобного не запечатлелось в моей памяти. Поэтому все, что я теперь увидел, было для меня новым и полным очарования.

Во многих поездах тогда (а кое-где и до сих пор) окна оставались распахнутыми, что являлось наиболее естественным и, в общем, наиболее экономичным способом кондиционирования. Меня невозможно было оторвать от окна. Скорость поезда была невелика. Паровоз самодовольно пыхтел, словно ему некуда было спешить, и катил себе без конкретной станции назначения. Мне казалось, что окружающий ландшафт не очень отличается от тех мест, где мы жили: мимо тянулись холмы коричневатой пыльной земли с приземистыми деревцами, устоявшими на бедных почвах в упорной борьбе за существование; попадались и более крепкие деревья, отбрасывавшие легкую тень. Кое-где к железнодорожному полотну подступали лачуги, возле которых в грязи играли полуголые ребятишки, равнодушно глядевшие на нас, торжественно проплывавших мимо со скоростью пятнадцать миль в час. У каждой лачуги была неизменная веревка, увешанная жалким бельем, болтавшимся на ветру. Изредка на глаза попадались *bananeiras* (так называют в Брази-

лии заводики по переработке бананов), увешанные банановыми стеблями, создававшими слабую тень для тех, кто был обречен здесь на вечное прозябание.

На каком-то отрезке пути состав изогнулся по дуге, и я, забыв наказания родителей, высунулся по пояс из окна, чтобы рассмотреть паровоз, тянувший поезд. Я отчетливо разглядел и паровоз, и поднимавшиеся из трубы клубы дыма, которые темными пятнами заляпывали голубизну безоблачного неба. Машинист, небрежно высунувшись из кабины, посасывал трубку, от впереди бегущих рельсов отражались лучи солнца. Вдруг меня резко подбросило, и в тот же момент я ощутил такую затрещину, что отлетел к скамейке, на которой сидели мои родители. Дондиньо пристально смотрел на меня, а дона Селесте готова было поддержать его еще одной затрещиной в случае малейшего протеста с моей стороны.

К сожалению, город Бауру не стал землей обетованной, на что так надеялась наша семья. Клуб «Лузитания», заключивший контракт с отцом, был переименован в клуб «Бауру Атлетик», и новые менеджеры, соглашаясь выполнить обязательства, касавшиеся спортивной части контракта, всячески увиливали от обещания устроить Дондиньо на государственную службу. Нам опять пришлось начинать практически с нуля. Только на этот раз в совершенно чужом городе, где не было ни одной знакомой души, но зато прибавились домочадцы: дона Амброзина – бабушка по отцовской линии и дядя Жоржи. Итак, в доме было семеро: бабушка, дядя,

брат Жаир, сестра Мария Лусия, родители и я. С новой силой разгорались ожесточенные споры. Кроме того, что Дондиньо приходилось играть в футбол с травмированным коленом, он должен был постоянно доказывать доне Селесте, что ему действительно обещали место на государственной службе, а менеджерам клуба – что они обязаны или предоставить ему обещанную работу, или подыскать что-нибудь взамен. Но ни то, ни другое успеха не имело.

А пока дядя Жоржи колол дрова, ходил по домам и продавал лучины. Этому он научился еще у своего отца. Но в Бауру было слишком много конкурентов, поэтому зарабатывал он очень мало. Позже дядя устроился в большой магазин по оптовой торговле, в котором продавалось все – от яиц до топорщ. Его заработок стал немалым подспорьем для всей нашей семьи. По выходным дням к нам в Бауру приезжала тетя Мария, сестра Дондиньо, она служила в богатом доме в Сан-Паулу. Тетя привозила с собой фрукты – яблоки, груши, о существовании которых мы даже не подозревали, а также поношенные вещи своих хозяев. Постепенно до моего сознания стало доходить, что такое нищета.

Нищета – бич, который подавляет разум, иссушает дух и отравляет жизнь. Если мы не испытывали недостатка в самом элементарном, например, в пище, жилье или деньгах, чтобы заплатить за квартиру, мы были счастливы. Зато в нашем доме всегда царила любовь. Она помогала преодолевать невзгоды, и ее мы сохранили до сегодняшнего дня. Хотя бы-

ло и немало горячих споров, обидных упреков и неприятных стычек из-за отсутствия самого необходимого, на что, как упрямо повторяла донна Селесте, мы имели законное право, поскольку Дондиньо обещали место на государственной службе.

Дом, в котором мы поселились, был деревянным. Наверное, для мастера, покрывавшего его черепицей, кровельное дело было не основным занятием: крыша текла, как решето. Правда, в отличие от решета она почему-то не протекала в одном и том же месте дважды. В период ливневых дождей трудно было угадать, куда положить матрац, чтобы спокойно проспать хотя бы остаток ночи. Но постоянно протекавшая крыша – это еще не нищета, хотя мать мучительно изводила Дондиньо упреками за то, что он не мог заплатить за дом даже с протекавшей крышей.

Не было нищетой и то, что частенько приходилось в темноте нащупывать щеколду стоявшей во дворе уборной и, сидя там, со страхом вслушиваться в лежавшую за стенами ночь. Ничего особенного – ведь даже у наших соседей, людей более обеспеченных, уборная тоже находилась во дворе. Не было нищетой и то, что приходилось носить не подходившую по размерам старую одежду, иногда оставаться без ботинок или холодными ночами всем спать в крохотной кухне вокруг печки, прижимаясь друг к другу, чтобы не замерзнуть (и почему только считается, что в Бразилии всегда жарко?).

Нет, нищета была в тревожных раздумьях о том, что слу-

чится, если вдруг кончатся деньги на дрова. Нищета грозила погасить и даже превратить в ничто любую щепку, которая должна была питать голодное чрево печки.

В общем, нищета – это лишение человека чувства собственного достоинства и уверенности в своих силах. Нищета – это страх, но не страх смерти, который оправдан ее неизбежностью. Нищета – это страх жизни. Это жуткий страх...

В те первые годы, когда мы переехали в Бауру, нищета угнетала моих родителей, дону Амброзину и дядю Жоржи, но только не меня. Здесь я чувствовал себя счастливым. По соседству жило много мальчишек, моих сверстников – чернокожих, белокожих (если вообще существуют абсолютно белые бразильцы), японцев. Наши игры продолжались с утра до вечера. Поначалу мы организовали своеобразный цирк на заднем дворе, устроив трапецию из мангового дерева. Однако самая крепкая веревка, которую нам удалось раздобыть, оказалась слишком ветхой, поэтому мое первое раскачивание, за которым следила дона Селесте, стало и последним. Веревка оборвалась, моих приятелей разогнали по домам, а я заработал очередную затрещину.

Тогда мы решили играть в игры для взрослых, например, в футбол, потому что видели, как играют мой отец и другие профессионалы из клуба «Бауру Атлетик», или, как его кратко называли, «БАК». Купить настоящий футбольный мяч мы не могли и поступили так, как поступает большинство мальчишек: самый большой, который только удалось найти,

мужской носок мы набили тряпьем и бумагой, придали ему форму шара и крепко завязали веревкой. Со временем в носок стали набивать больше тряпья, из-за чего мячи получались массивными и тяжелыми. Иногда носки для мячей мы «заимствовали» с веревок для сушки белья. Нам казалось, что наши потребности вполне оправдывают такое «заимствование»: ведь человек может обойтись без носков, а вот нам, ребятам, без мяча никак нельзя.

Когда я был призван в бразильскую армию, кто-то в шутку поведал мне, что в американской армии есть такая притянутая за уши история: «Если оно движется, проводи его взглядом. Если оно неподвижно, подними его с земли. Если оно слишком велико, нарисуй его». У нас в Бразилии она звучала бы так: «Если оно движется, ударь по нему ногой. Если неподвижно, ударь по нему ногой и заставь двигаться. Если оно слишком велико, чтобы ударить по нему ногой, поменяй его на нечто меньших размеров и ударь по нему ногой». Бразильцы учатся бить по мячу, как только встают на ноги. Ходить они учатся позже.

Наше футбольное поле было расположено на Рубенс Арруда, где я жил. Воротами служили оба конца этой улочки: один – на пересечении Рубенс Арруды с улицей Седьмого сентября, другой – у тупика, где Рубенс Арруда упиралась в старое тренировочное поле соперничавшего с «БАК» клуба «Нороасте». Если бы эта улочка была покрыта асфальтом, боковые линии поля совпали бы с обочиной. Но поскольку

она была немощенной, требовалось немало усилий даже для того, чтобы удержаться во время игры на ногах. Немалую сноровку нужно было проявить и для того, чтобы нанести удар по нашему мячу, поскольку вес его постоянно менялся в зависимости от «начинки», а также от частых попаданий в грязные лужи. Но для меня это не имело никакого значения. Удовольствие от удара, умение привести мяч в движение, заставить его повиноваться – все это порождало приятное ощущение собственной силы, которое я познал впервые в жизни.

Моя страстная увлеченность футболом не очень нравилась матери. Для нее футбол был почти то же самое, что ограбление банка или семь смертных грехов. Правда, футбол удерживал меня от более опасных шалостей. К тому же благодаря ему я всегда был в поле ее зрения, и в этом тоже был свой резон. За разрешение играть мне пришлось взять на себя заботу о младшем брате Жаире, получившем прозвище Зока. Надо сказать, что к тому времени я уже твердо решил отказаться от карьеры профессионального футболиста. Я собирался стать летчиком. Эта идея возникла у меня, когда я наблюдал за взлетом и посадкой самолетов на поле местного аэроклуба.

Необходимость присматривать за Зокой была слишком дорогой ценой за возможность погонять мяч прямо перед нашим домом. Ведь играть в футбол и одновременно присматривать за ребенком просто невозможно. Хотя Зока был

маленький, он вечно порывался участвовать в игре наравне со всеми, и каждый раз, когда о него кто-нибудь спотыкался, он с пронзительным криком убегал домой. Мне приходилось прерывать игру и получать от матери очередной подзатыльник. Но если мама велела присматривать за Зокой, спорить с ней не было никакого смысла.

Моя мать, дона Селесте, была (и осталась) невысокой женщиной весом примерно в девяносто фунтов, с неизменной тяжелой кастрюлей в руках. У нее была изящная фигура, мелкие, но очень правильные черты лица, копна блестящих рыжеватых волос, которыми она очень гордилась. Когда она улыбалась – это была самая прелестная улыбка в мире, но, к сожалению, все мы не очень способствовали тому, чтобы она улыбалась. Вместе с тем каждого, кто судил о доне Селесте лишь по ее очаровательной улыбке и миниатюрной фигурке, ждал сюрприз. Дона Селесте твердой рукой управляла домом. Она гордилась тем, что семья Арантис ду Насименту, несмотря на бедность, была достойна уважения. Дети не воровали, не просили подаяния, никому не лгали, никогда не произносили бранных слов, верили в бога, хотя и не рассчитывали на то, что он разрешит все семейные проблемы, с уважением относились к старшим, а самое главное, повиновались родителям – а не то!..

Задумываться над этим «а не то» было весьма мучительно, ведь в основном мы соблюдали приличия, хотя до сих пор меня преследует вопрос: если я столь тщательно выпол-

нял все родительские заповеди, тогда почему мне доставалось столько оплеух и подзатыльников. Наверное, причиной этого было еще одно из установленных доной Селестой правил: я должен был находиться в пределах слышимости ее голоса, который был достаточно громким для такой хрупкой женщины и в иных обстоятельствах был бы достоин лучшего применения. К сожалению, аэроклуб располагался вне досягаемости ее голоса. Я украдкой бегал на летное поле, когда не мог гонять мяч, просиживал там, наблюдал за взлетом и посадкой маленьких самолетов, за тем, как разгоняются перед взлетом планеры и, словно птицы, взмывают в небеса. Я не отрывал взгляда от летчиков, когда они в блестящих на солнце защитных очках и кожаных куртках спускались на поле из своих удивительных летающих штуковин. Я мечтал, что настанет день, когда я тоже в защитных очках, куртке и летных сапогах залезу в один из таких же чудесных самолетов и с легкостью птицы полечу в бездонное восхитительное небо. Все земные тревоги будут забыты, нищета отойдет в прошлое. Я посмотрю вниз на землю и увижу наш крошечный домик, а перед ним – изрезанную колеями дорогу, грязный задний двор с маленьким манговым деревом, и... улечу прочь. Во сне я все время возвращался то к матери, то к сестре, то к отцу, то к бабушке, то к дяде Жоржи (но только не к Зоке), а потом снова улетал. Я поклялся, что обязательно добьюсь своей цели, когда вырасту.

Зока всегда увязывался за мной в моих «экскурсиях» на

летное поле, но я старался от него отделаться, так как там его ни на секунду нельзя было оставить без внимания. Когда же он вырывался из рук и бежал к самолету или выскакивал на взлетно-посадочную полосу, что в любой момент могло печально кончиться, я твердо знал, кому за это пришлось бы отвечать. Но если я не брал его с собой, он вбегал в дом и громко кричал: «Мама! Дико снова ушел в аэроклуб!» Это означало еще одну оплеуху или подзатыльник плюс еще одно наказание, которое ожидало меня позже за то, что я учил, а вернее, пытался учить Зоку скрывать наши «отношения» от домашних.

Примерно с семи лет я начал работать чистильщиком сапог. Приятель помог мне смастерить ящик, который отдаленно напоминал сапожный сундучок, а дядя Жоржи финансировал начало этого предприятия. По правде сказать, я прежде всего рассчитывал на то, что новое занятие облегчит мне посещение аэроклуба, поскольку на самолетах, как мне тогда казалось, летают люди, которые обращают особое внимание на свой внешний вид и поэтому до блеска чистят обувь. Дона Селесте была решительно против моей затеи, утверждая (впрочем, ее аргументы поначалу казались вполне логичными), что если мне не удастся, я могу чистить сапоги и ботинки соседям по улице. Поскольку многие из них были такими же бедняками, как и мы, мой «бизнес» в пределах нашей улицы имел весьма призрачные перспективы. Но если дона Селесте что-нибудь доказывала, ей трудно бы-

ло возражать. Целую неделю я послушно ходил из дома в дом, выясняя, не желает ли кто-нибудь воспользоваться моими услугами. За всю неделю только один сосед согласился почистить ботинки. Не знаю, почему он на это решился: может, из жалости ко мне, а может, ему надоел мой ежедневный стук в дверь. Мне хорошо запомнилось, что я никак не мог сообразить, сколько же запросить с него за работу, а когда получил деньги (наверняка очень мало), решил точно подсчитать, каковы же будут мои доходы, чтобы в итоге хотя бы сводить концы с концами.

Надо сказать, что сосед по улице не был первым моим клиентом. Дело в том, что тетя Мария как-то привезла мне ботинки, которые стали тесны младшему сыну ее хозяина и которые я тщательно берег – надевал только по воскресеньям и при посещении церкви. Они были в хорошем состоянии, видимо, мальчик носил их аккуратно. Я очень гордился, что был обладателем этих ботинок. Дона Селесте сказала, что если я уж так сильно хочу чистить ботинки, можно попрактиковаться на собственной обуви. И я принялся за работу под ее строгим контролем. (Хорошо помню те ботинки. Чтобы они не стали мне тесными, как сыну моего благодетеля, я однажды решил сыграть в них в футбол и... истрепал их в клочья. Последовала обычная в таких случаях выволочка. А мне просто страшно хотелось попробовать ударить по мячу обутой ногой...) Я также чистил бутсы Дондиньо и туфли моей бабушки. Любопытно, что еще с тех пор у меня хра-

нится разная вакса.

Когда выяснилось, что на нашей улице я не могу рассчитывать на достаточную клиентуру, мне наконец удалось убедить Дондиньо поговорить с доной Селесте, чтобы она разрешила мне в следующую субботу пойти на стадион, где будет играть «БАК». Я собирался предложить свои услуги зрителям прямо на трибунах. Ведь среди них наверняка найдутся желающие почистить обувь. Одни – чтобы произвести впечатление на своих девушек, другие – чтобы уязвить своих конкурентов, да и вообще мало ли какие могут быть мотивы. В то время я никак не мог понять, по каким таинственным причинам именно взрослые испытывают такое удовлетворение от начищенных ботинок.

К моему удивлению, дона Селесте не стала упорствовать и согласилась, но при условии, что на протяжении всей игры Дондиньо не будет спускать с меня глаз. Дондиньо, конечно, едва ли мог играть и одновременно присматривать за мной, но когда матч закончился и он пришел, чтобы забрать меня домой, я уже заработал более двух крузейро! Мы так и ушли со стадиона, обнявшись, как два кормильца!

Получив большую свободу передвижения, я стал чаще бывать на железнодорожном вокзале, где собирались многие юные чистильщики сапог. Бауру был в первую очередь транспортным узлом, через который проходили три главные железные дороги страны – «Соракабана», «Паулиста» и «Норозесте». Последняя содержала в Бауру клуб «Норозесте» –

основной конкурент и непримиримый соперник «БАК». Ей же принадлежал больший, чем у соперника, стадион.

На северо-западном вокзале я бывал по разным причинам. Во-первых, Дондиньо неоднократно играл в составе «БАК» на поле «Нороесте» и его там многие знали. Поэтому как его сын я имел в районе вокзала преимущество перед другими мальчишками-чистильщиками. Во-вторых, я гонял мяч на заброшенном поле клуба в конце нашей улочки и поэтому ощущал какое-то родство душ с «Нороесте». И самое главное – вокзал был рядом с домом, что очень устраивало мою мать.

Я любил деловую часть города и считал, что Бауру мог бы стать одним из центральных городов страны наподобие Сан-Паулу или Рио-де-Жанейро, хотя его население составляло в то время немногим более 80–90 тысяч человек. Однако по тогдашним масштабам это был крупный город в одном из внутренних районов страны. У него было свое лицо, которое он утратил. В результате экономического развития и роста цен на землю в Бауру появились небоскребы. Они сменили крохотные домишки, взбегавшие в гору, на которой стояла церковь. Все дома города были выкрашены в контрастные цвета – пастельные тона перемежались с ядовито-зелеными и иссиня-голубыми. Некоторые крупные здания были построены в колониальном стиле. Они производили впечатление незыблемости нашей истории. Было приятно ощущать себя причастным к ней.

На узких улочках теснились магазины, предлагавшие все, чего я желал, но чего купить не мог. В городе было много гостиниц, одна из них находилась на улице, расположенной напротив вокзала. А еще был кинотеатр с яркими рекламными щитами, пробуждавшими буйную фантазию.

Затаив дыхание, я наблюдал за приближением к перрону огромных паровозов, которые пыхтели и фыркали, словно хвастливые драконы. Из вагонов вылезали люди, держа в руках чемоданы, ящики и пакеты, перевязанные веревками, а иногда клетки с живыми цыплятами (во внутренних районах Бразилии наиболее надежный способ сохранить пищу – держать ее живой). В моем воображении рисовались экзотические места, откуда эти люди приехали и куда отправлялись; интересно, доведется ли мне когда-нибудь побывать там.

Иногда по улице верхом проезжали скотоводы. Вместо седла – выкрашенная овечья шкура, без подпруги и без стремян, ноги свободно покачиваются в такт движению, как раскрытые защелки для белья, сапоги в грязи и в царапинах от чертополоха, кожаные шляпы затянуты под подбородком шнуром. По субботам после полудня они привязывали лошадей около вокзала, чтобы почистить сапоги. Для меня это всегда было загадкой: зачем чистить сапоги, если они в миг снова будут грязные и в царапинах. Но тогда я был еще слишком молод, чтобы знать, что появление в злочных местах, куда потом отправлялись скотоводы, в нечищенной обуви считалось признаком дурного тона.

Хоть я и продолжал работать чистильщиком, это нисколько не мешало моему увлечению футболом. Поезда прибывали и отправлялись строго по расписанию, и поскольку оставаться на вокзале после полудня, когда уходил последний поезд, не имело смысла, я спешил на футбольное поле. Оставив дома сапожную аптечку и заработанные деньги, я с носком, набитым тряпьем, мчался к товарищам. Мы азартно носились по полю, обводили друг друга, играли до тех пор, пока не стемнеет и не раздастся голос моей матери или ее связного Зоки.

Помню, что с некоторых пор я со страхом стал думать о приближавшейся субботе, потому что по субботам, вернувшись с вокзала, натыкался на целую кучу наколотых для растопки поленьев. Я уже не мог бежать к ребятам, пока не занесу в дом все до последнего полена и не сложу дрова в аккуратный штабель. Эта работа отнимала много времени. После нее было не до футбола. Но выход был найден. Как-то, собрав всю команду, я объявил: «Сегодня не смогу пойти играть, пока все дрова не сложу в доме. Но если я не выйду, мяч тоже останется здесь...»

Поначалу ребята открыто возмущались и чуть было не отказались помогать мне. Но через несколько недель, если кого-нибудь из нашей команды спрашивали, что он делает в субботу после обеда, тот недоуменно смотрел на вопрошавшего и отвечал: «К Эдсонам иду дрова складывать, неужели не понятно...»

Примерно в то время (мне шел тогда восьмой год или едва исполнилось восемь, сейчас не помню) Дондиньо получил, наконец, место на государственной службе – всего через три или четыре года после того, как она была обещана (по бразильским нормам совсем неплохо). Это было место санитара, а точнее, мальчика на побегушках в больнице. Ему приходилось мести полы, мыть горшки, помогать вытаскивать носилки с пострадавшими из машин скорой помощи, варить и подавать кофе, разгружать продукты, короче, делать все, что велели. Это была не бог весть какая работа, но она сразу изменила атмосферу в доме. Хотя постоянная зарплата Дондиньо не избавила нас от нищеты, мы тем не менее перешли из самых нижних в верхние эшелоны нищенствующих – гигантский скачок. Было покончено с раздорами внутри семьи, что еще больше сплотило нас.

Теперь, проводив последний поезд, я довольно часто отказывался от футбола и отправлялся в больницу, чтобы помочь отцу: варил вместо него кофе, выносил и обмывал горшки. Я подсознательно ощущал потребность быть рядом с ним. И если в течение дня выдавалась свободная минута, что, в общем, случалось крайне редко, он садился и начинал рассказывать мне о командах, с которыми ему довелось играть, об известных футболистах, которых ему посчастливилось знать. В каждом его слове сквозила неистребимая любовь к футболу. Однажды отец рассказал мне о своем старшем брате, моем дяде Франсиско.

«Если ты когда-нибудь станешь футболистом, Дико, ты будешь мастером, как он. Он умер в двадцать пять лет. Мне тогда было шестнадцать, и я думал, что не сумею пережить его смерти. Но он оставил мне кое-что в наследство – футбольные финты. Его звали Шико ду Жонас. Люди старшего поколения до сих пор помнят его игру в таких городах, как Мокока, Каза Бранка, а также на юге Минаса».

Эти беседы настолько сблизили нас, что мы стали не просто отцом и сыном, а друзьями. Дондиньо был (и остался) очень привлекательным мужчиной с прекрасными физическими данными. У него было пропорционально сложенное, гибкое тело, плоский живот, мускулистые руки и ноги – идеальная комплекция для футболиста. Во всем этом чувствовалась недюжинная физическая сила. Если дона Селесте отличалась раздражительностью, то Дондиньо был спокойным и уравновешенным. Прежде чем что-нибудь сказать, он всегда тщательно взвешивал и после этого отстаивал свое мнение до конца. Он был (и остался) прекрасным отцом. Как-то вечером выдалась свободная минута. Он усадил меня рядом, чтобы поговорить как мужчина с женщиной.

До сих пор помню тот вечер: тусклый свет (лампочки в государственных больницах почти всегда сорокасвечовые, не более, если они вообще есть), блестит кафель, недавно начищенный Дондиньо, на полу изношенный линолеум, неистребимый запах карболки и напряженная тишина – вот-вот кто-нибудь закричит от боли.

«Дико, какие у тебя планы?» – спросил отец.

В общем-то я знал, какого ответа он ждал от меня. Наверняка он хотел услышать, что я мечтаю стать футболистом-профессионалом, как незнакомый мне дядя Франсиско. Я был уверен, он думал, что я уже забыл о своей мечте. Но я, не задумываясь, произнес:

– Хочу стать летчиком.

К моему удивлению, Дондиньо отнесся к этому совершенно спокойно.

– Неплохо, – сказал он, и в его голосе зазвучали искренние нотки. – Но ты знаешь, что потребуется от тебя, чтобы стать летчиком?

– Конечно, – ответил я, удивляясь, что Дондиньо может в этом сомневаться. – Учиться летать на самолете.

Дондиньо улыбнулся своей нежной улыбкой.

– Боюсь, это не все. Летчики должны уметь читать карты, чтобы, перелетая с одного места на другое, не сбиться с курса. Не кажется ли тебе, что сначала нужно научиться читать и писать, разбираться в арифметике и других науках?

Я как-то не задумывался над этим раньше, но сейчас слова Дондиньо показались мне резонными. Я не имел ничего против школы. И чем больше я о ней размышлял, тем глубже слова отца проникали в мое сознание. Например, чтение может оказаться весьма полезным в жизни. Если не умеешь читать, репортажи о футбольных матчах будешь слушать разве что по трескучему радиоприемнику. Научишься читать –

сможешь разобраться в том, что пишет «Дейли Джорнэл», которая издается в Бауру, а также будешь в курсе всех футбольных игр лиги и узнаешь всех популярных игроков. Я решил про себя, что если поискать, наверняка найдутся и другие доводы в пользу чтения и письма. Однако тут были и свои проблемы.

– Но я ведь еще сапоги чищу!

– После уроков ты будешь успевать на вокзал до прибытия поезда.

– А как же футбол?

По лицу Дондиньо пробежала едва заметная улыбка.

– Хоть тебе и придется ходить в школу, работать чистильщиком, помогать мне в больнице, делать дома уроки, ты все равно выкroiшь время для футбола.

Он лукаво подмигнул мне.

– Ты ведь мой сын...

Так началось мое учение в школе. В Бауру школьный курс состоял из четырехгодичной начальной и четырехгодичной средней школы. Затем, если выпускник желал поступить в университет, он готовился к этому еще в течение трех лет. Мои восемь лет были вполне нормальным возрастом для поступления в школу.

Сейчас, с высоты прожитых лет, часто вспоминаю, с каким волнением в первый раз переступил я порог школы «Эрнесто-Монте». Трудно поверить, сколько с этим было связано хлопот! Вся моя одежда была заново заштопана. Меня

так тщательно скребли щеткой с мылом, что потом еще долго звенело в ушах. На мне были воскресные ботинки (разумеется, начищенные до блеска). В руке я держал настоящий школьный портфель с двумя чистыми тетрадями и коробкой цветных карандашей. Сердце переполняло восторг, желания учиться хватило бы на десятерых.

Первым сюрпризом для меня явилось то, что учительница, по-видимому, не очень-то стремилась учить нас читать и писать, а также разбираться в географических картах и других вещах, необходимых, чтобы поскорее стать летчиком. Самым главным для нее была дисциплина. Дона Сиды, очевидно, полагала, что нельзя научиться читать и писать, если переговариваешься на уроке и постоянно ерзаешь за партой. Тот факт, что, несмотря на болтовню и ерзанье, я освоил все, чему она нас учила, никак не повлиял на ее убежденность. И тем не менее надо признать, что дона Сиды ограничивалась нотациями и не прибегала к крайним мерам наказания, с чем я столкнулся в последующие мои школьные годы.

Любой восьмилетний мальчишка, независимо от того, какое у него воображение, так или иначе обогащает свои познания жизни помимо школы. Один такой урок запомнился мне особенно хорошо. Как-то мы играли в футбол около местной больницы. Один из нас заглянул в окно, выходившее на площадку, где мы гоняли мяч. Это было окно полуподвального этажа, где, наверное, располагался морг. В тот самый момент, когда мальчуган заглянул в окно, врачи сни-

мали одежду с планериста, который погиб при аварии, случившейся неподалеку от аэроклуба, и готовились к вскрытию трупа. Я уже не помню, кто первым увидел это ужасное зрелище, но у меня до сих пор звенят в ушах слова: «Эй, ребята! Там на столе парень лежит! Держу пари, что он мертв».

Жуткие, какие-то потусторонние интонации в голосе притянули всех нас к говорившему. Я протиснулся к окну и вместе с другими прижался носом к стеклу. Как раз в этот момент один из докторов пытался стянуть рукав блестящей кожаной куртки с повисшей руки погибшего. Мне навсегда запомнились тусклый свет комнаты, выложенные кафелем стены, еще более грязные, чем в больнице, где работал Дондиньо, рваный линолеум на полу, который давно надо было менять, стандартные сорокасвечовые лампочки, мало подходящие для работы, к которой приступали врачи. Кровь запеклась, и рукав куртки, наверное, прилип к руке, сообразил я, вспомнив свой богатый опыт, приобретенный в больнице. Доктор дернул резче, потом поднял руку и повернул ее. Не знаю, как могло случиться, но изо рта мертвеца вдруг хлынула кровь. Она залила стену и потекла вниз малиновыми струйками. Доктор поспешно опустил руку и отскочил назад. Я окаменел от страха, а когда, совершенно потерянный, обернулся, вокруг никого не было – все мои приятели в ужасе сбежали.

Еще долго после этого я просыпался по ночам, истошно кричал, напуганный кошмаром. Эта сцена снилась мне

несколько раз. Только вместо погибшего планериста на столе лежал я сам, рука поднята и повернута в суставе, кровь фонтаном бьет из моего тела в уже перепачканную стену, стекает по щекам на ночную рубашку и душит меня, забиваясь в горло. Я видел лицо доктора, чувствовал на себе его руки, ощущая все большую тяжесть от того, что кровь покидает мое тело. Из груди вырывался истерический крик. Дона Селесте вбежала в комнату и включала свет. Она прижимала мою голову к своей груди, пока я не переставал трястись. Она держала мою руку и ласково шептала что-то до тех пор, пока я снова не засыпал.

С этого момента меня уже не надо было удерживать от посещений аэроклуба, и я выбросил из головы мысль стать летчиком. И даже теперь, садясь в самолет, что бывает достаточно часто, я каждый раз стараюсь не вспоминать того зрелища, которое открылось мне через окно больничного полуподвала.

Примерно в это время меня стали называть Пеле. Я не представляю, откуда взялось это имя, в чьих устах оно прозвучало впервые. Насколько мне известно, это слово ничего не значит ни в португальском, ни в любом другом языке. Я неоднократно приезжал в Бауру и каждый раз расспрашивал своих старых друзей, но они тоже не могли сказать ничего вразумительного о происхождении моего имени. Скорее всего, прозвище родилось просто так и прилипло ко мне. Одно время я ненавидел его. И в школе нередко устраивал

из-за него потасовки. Видимо, в этих драках мне не всегда везло, потому что прозвище «Пеле» так и пристало ко мне навсегда.

Один мой приятель утверждает, что это имя дал мне по чистой случайности кто-то из турок, поселившихся в Бау-ру. Некоторые из них жили рядом с нами. Каждый раз, говорил мой приятель, когда я случайно касался мяча рукой, турок произносил: «Пеле», – что по-турецки, кажется, означает «глупо». По другой версии, в Минасе был когда-то известный футболист по имени Беле и я неправильно произносил это имя – вместо «Беле» у меня выходило «Пеле». По правде сказать, я даже не могу припомнить, что пробовал произнести когда-либо имя «Беле». В общем, откуда пришло ко мне имя Пеле, я не знаю. Но примерно с девятилетнего возраста для всех знавших меня я стал Пеле. Для всех, кроме родных, которые и по сей день называют меня Дико.

За имя денег платить не надо, поэтому даже самый бедный, задавленный нищетой бразилец может позволить себе такую роскошь. Так он и поступает. Он не скупится и на прозвища, возможно, по той же причине, причем очень немногие прозвища что-либо значат. «Дико» – это типичное прозвище для Эдсона, хотя я нисколько не удивлюсь, если узнаю, что с этим же именем связан десяток других прозвищ. Мне неизвестно также, почему мой брат, нареченный при крещении Жаиром, получил прозвище Зока. Я иногда подозреваю, что прозвища, особенно короткие, возникли не

без влияния наших радиокомментаторов или же просто придуманы ими. Бразильский радиокомментатор, рассказывающий о важном футбольном матче, производит впечатление пулемета, стреляющего истеричными очередями. Ему, конечно, очень помогает, если игроков зовут Пеле, Диди, Вава или Пепе. Я не могу представить себе радиокомментатора, который в своем репортаже произнес бы набор типичных бразильских имен:

– ...Эдсон Арантис ду Насименту получает мяч от Себастьяна да Силва Тенорио Тейшейра Араужо и передает его Валдемару Жоао Мендес де Мораис Фи лью, который обыгрывает Артура Рибейру Карвальо Жозе Брито и отпасовывает мяч Руй Мореира Акасиу Гимараенсу, тот бьет головой...

Прежде чем он успеет рассказать только об одном игровом эпизоде, пройдет добрая половина матча, и все болельщики покинут трибуны, чтобы в перерыве между таймами выпить по бутылке пива!

Глава третья

Гетеборг, Швеция, снова июнь 1958 года. Я никак не могу уснуть – дает о себе знать возбуждение от игры с русскими. Смотрю в потолок и размышляю о своей судьбе.

И вправду, какое это счастье – находиться сейчас в Швеции и принимать участие в матчах на первенство мира! Накануне отъезда на чемпионат я получил в игре травму и не надеялся, что попаду в сборную. В окончательном составе команды, которая отправлялась в Швецию, могло быть не более двадцати двух человек: одиннадцать игроков плюс по одному запасному на каждое футбольное амплуа. При таких условиях не могло быть и речи о том, чтобы брать травмированного футболиста. Однако врач сборной Хилтон Гослинг и массажист Марио Америке (кстати сказать, исключительно важная персона в профессиональном футбольном клубе) были уверены, что я скоро оправлюсь от травмы и смогу быть полезным для команды.

Миг победы.

Я хорошо помню день, когда меня решили попробовать как кандидата в национальную сборную Бразилии. Думаю, что для любого футболиста этот день запоминается на всю жизнь.

Мне уже доводилось играть в составе бразильской сборной – в традиционном турнире Кубка Рока, когда команда Бразилии выступала против сборной Аргентины. Игроков тогда отбирал известный тренер Сильвио Пирилло. Мы проиграли первую встречу со счетом 1:2 и выиграли вторую – 2:1, причем в каждом из этих матчей я забил по голу. Попасть в команду, принимавшую участие в турнире Кубка

Рока, очень почетно, и все же это несравнимо с приглашением сыграть в национальной сборной, которой предстоит сражаться с лучшими футболистами мира на чемпионате в Швеции.

К тому времени я уже почти целый год регулярно играл за «Сантос». Получалось у меня неплохо. Моим напарником на месте центрального нападающего был Дель Веккио, и хотя меня не ставили на каждую игру, мне удалось забить достаточно голов. Тридцать два забитых мяча позволили мне возглавить список бомбардиров среди команд штата Сан-Паулу. И тем не менее я даже не предполагал, что мне могут доверить место в сборной, готовившейся к участию в чемпионате мира. Кроме всего прочего, тогда мне исполнилось лишь шестнадцать лет, в то время как в Бразилии было сколько угодно классных игроков более зрелых и более опытных, способных лучше меня выдержать огромное напряжение таких ответственных матчей.

В тот знаменательный для меня день я приехал из Сантуса к своим, в Бауру. Я был в доме один, когда по национальному радио (мои родители к тому времени уже смогли позволить себе купить радиоприемник, который «ловил» Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро, правда, не совсем четко) начали передавать спортивные новости. Диктор объявил о том, что определены кандидаты в сборную Бразилии по футболу. Я вскочил и подбежал к приемнику. Наклонившись над ним, стал напряженно вслушиваться в каждое слово. Пока диктор

шуршал листами бумаги, прежде чем начать читать список, у меня от возбуждения забегали мурашки. Я знал, что своей фамилии, наверное, не услышу. И дал себе слово, что из-за этого не буду плакать, ломать мебель или биться головой о стену. Я понимал, что слишком молод, что за спиной у меня всего лишь год игры за профессиональный клуб, в то время как стаж у большинства классных игроков составляет добрый десяток лет. И все же я надеялся.

Надо знать латиноамериканских дикторов. Говоря о футболе, они священнодействуют. Если в имени футболиста имеется буква «р», диктор непременно «раскатит» ее чуть ли не на минуту.

– ...Кастильо... Жильмар-р-р-р-р... Джалма Сантос... Нилтон Сантос... Маццола... Пеле...

Я не дослушал до конца и плюхнулся в кресло, меня била нервная дрожь. Не ослышался ли я? Может, принимаю желаемое за действительное? Но нет, диктор прочитал список еще раз – мое имя в нем было. В комнату вошла мама. Она посмотрела на меня и обеспокоенно спросила:

– Что с тобой, Дико? Не заболел ли?

От нервного возбуждения мне было трудно выдавить из себя хоть слово.

– Мама! Меня пригласили в сборную!

Судя по ее взгляду, она никак не могла взять в толк смысл моих слов.

– Ты что, не понимаешь, мама? Меня пригласили в сбор-

ную! — повторил я.

Очень сомневаюсь, что мои слова дошли до нее.

— Дай-ка пощупаю твой лоб, — произнесла дона Селесте. — Вид у тебя совсем больного человека!

Бразильская сборная образца 1958 года была в несколько привилегированном положении по сравнению с командами других стран. Кроме тренера с помощниками и лица, отвечавшего за физическую подготовку футболистов, в штат команды входили врач, дантист, массажисты, ассистенты и даже психолог.

Обычно в распоряжении тренера оказывается больше желающих, чем мест в команде, предусмотренных правилами проведения матчей на первенство мира. Таким образом, из общего числа кандидатов остаются лишь очень немногие, остальные же после окончательного отбора из списка вычеркиваются. Это один из трагических моментов комплектования сборной. Все мы, оказавшиеся в роли кандидатов, тренировались до безумия, четко выполняя указания тренера. Мы жертвовали своей личной жизнью во имя интересов команды, такой самоабвенный труд позволял нам ощущать себя одной семьей. И вот эту дружную семью поджидали неотвратимые утраты.

Каждый из кандидатов в сборную был по-настоящему первоклассным футболистом. Но кто из этих звезд лучше всего сыграет в составе команды и таким образом закрепится в сборной, предоставлялось решать нашему тренеру Ви-

сенте Феоле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.